следований, диалектологических экспедиций, посвященных изучению морфемной структуры слова в русских говорах. Учитывая то, что «может отсутствовать теоретически мыслимое или воображаемое посредствующее звено словопроизводственного процесса, но его первую ступень, его исходный пункт нельзя представить себе отсутствующим» [2, с. 440 – 441], нам представляется возможным и чрезвычайно важным **ретроспективное** изучение отношений структурной мотивированности морфемного состава общерусских и диалектных слов, бытующих в лексической системе русских говоров.

Литература

1. *Блинова, О.И.* Мотивология и ее аспекты / О.И. Блинова. – Томск, 2007.

2. *Винокур, Г.О.* Избранные работы по русскому языку / Г.О. Винокур. – М., 1959.

3. *Даль, В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка / В.И. Даль. – М., 1978. – Т. 1 – 4.

4. *Ермакова, О.П.* Проблемы лексической семантики производных и членимых слов: дис. ... д-ра филол. наук / О.П. Ермакова. – М., 1980.

5. *Михалева, Е.В.* Явление лексикализации внутренней формы слова: дис. … канд. филол. наук / Е.В. Михалева. – Томск, 1994.

6. Словарь вологодских говоров. Вып. 1 – 12. – Вологда, 1983 – 2006.

7. *Тихонов, А.Н.* Словообразовательный словарь русского языка / А.Н. Тихонов. – М., 1990. – Т. 1.

8. *Шаброва, Е.Н.* Морфемика русских говоров / Е.Н. Шаброва. – Вологда, 2006.

9. *Яцкевич, Л.Г.* Словарь со связанными основами: словарь-справочник / Л.Г. Яцкевич. – Вологда, 2006.

УДК 811.161.1

Е.Н. Ильина, Н.Л. Фишер

ЛОКАЛЬНАЯ ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ В.И. БЕЛОВА И ПРОБЛЕМЫ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПЕРЕВОДА

В статье рассматривается специфика диалектной языковой картины мира и особенности ее отражения в региональной прозе. На основе анализа объектов, оценок и действий, актуальных для севернорусского крестьянина, определяются характерные черты диалектной языковой картины мира в контексте художественной картины мира В.И. Белова.

Языковая картина мира, региональная проза, В.И. Белов, проблемы художественного перевода.

The paper deals with the peculiarities of the dialectal linguistic picture of the world and its reflection in the regional prose. The features of the dialectal linguistic picture of the world within the context of V. I. Belov's artistic picture of the world are defined on the basis of the analysis of objects, evaluations and actions important for a North Russian peasant.

Linguistic picture of the world, regional prose, V. I. Belov, problems of literary translation.

Языковая картина мира – «зафиксированная в языке и специфическая для данного языкового коллектива схема восприятия действительности» [5, с. 9] – исследуется в современном языкознании в нескольких направлениях: когнитивном, лингвокультурологическом, аксиологическом и др. Объектом научных наблюдений может быть художественный текст как репрезентант национальной картины мира в ее индивидуально-творческом освоении.

В данной работе рассматриваются специфика севернорусской языковой картины мира и особенности ее отражения в региональной прозе, осуществляется лингвокультурологический анализ текста повести В. И. Белова «Привычное дело» в контексте ее перевода на немецкий язык [2], [7].

Картина мира любого языка имеет этнокультурную специфику. Внутри общенациональной языковой картины мира может быть описан сложный комплекс ее региональных вариантов, или диалектных языковых картин мира. Диалектная модель мира отличается естественным характером, поскольку она складывается в достаточно замкнутом диалектном коллективе, отражает особенности уклада, быта, близости к природе, характерные черты сельского труда, не искажается и не нивелируется кодификацией. Как типологические свойства русской диалектной языковой картины мира исследователи определяют ее антропоцентричность / эгоцентричность, тесную связь с вопросами биологического выживания человека, конкретность / утилитарность / прагматичность, стереотипность и экспрессивность [3, с. 61]. Определение этих признаков традиционно ориентируется на реконструкцию инвентаря значимых *объектов* диалектной языковой картины мира, системы характерных для нее *действий* и *признаков*, а на основе этой реконструкции – с изучением разного рода *оценок*, которые могут быть выражены посредством языковых знаков различных лингвистических ярусов (лексики, фразеологии, грамматики) и различных жанровых образований внутри сложного речевого целого.

Среди ментальных объектов, актуальных для диалектной картины мира, в первую очередь, следует выделить те из них, которые определяют ее субъектную сферу: названия людей и животных, их характеристики и способы действия. В произведениях В.И. Белова в достаточной мере ярко представлены мужской («Кануны», «Плотницкие рассказы») и жен-

ский мир («Привычное дело»), а также мир животных, соседствующих с человеком («Рассказы о всякой живности»). Одной из актуальных задач автора является сохранение традиционных семейных ценностей («Привычное дело», «Кануны», «Воспитание по доктору Споку» и др.), поэтому в большинстве произведений В.И. Белова в центре событий находится крестьянская семья. Адекватное представление реалий и характеристик субъектной семантической сферы создает определенную проблему для переводчиков, в задачи которых входит не только поиск эквивалентных знаков второго языка, но и необходимость использования различных форм адаптации этнокультурной информации текста для иностранного читателя.

По мнению немецкой писательницы Е. Штритматтер, в повести В. И. Белова «Привычное дело» описывается семейный уклад севернорусского крестьянина, который в основном держался на плечах женщины: именно ей отводилась особая роль хранительницы домашнего очага, традиций и семейных ценностей, предоставлялось право принятия решений, способствующих биологическому и социальному выживанию крестьянского рода [8, с. 250]. Сам В. Белов, описывая традиционный семейный уклад в очерках о народной эстетике «Лад» и обозначая номинальное главенство мужчины, считает необходимым сделать на этот счет существенную оговорку: «Равноправие, а иногда и превосходство женщины в семье были обусловлены экономическими и нравственными потребностями русского народного быта» [1, с. 128]. Несомненно, изображение «мира женщины» в повести «Привычное дело» обладает ярко выраженной национальной и территориальной специфичностью, воссоздание которой в тексте перевода сопряжено с решением ряда проблем.

1. Одну из наиболее интересных сфер наблюдения составляют номинации женских персонажей: общие (*девка*, *баба*, *женка*, *бабица*, *старуха* и др.), персональные (*Катерина*, *Нюшка*, *Евстолья*, *Степановна*, *Катюшка*, *Маруся*, *Дашка Путанка*, *Надежка*, *Тоня* и *Лиля*), и описательные («*молчаливая девка из дальних заозерных мест*» и др.). Система речевых модификатов календарных имен (*Нюшка*, *Аннушка*, *Анютка*), прозвищ (*Путанка*, *Путанка лешева*), фразовых номинаций («*та, что в сапожках ходит*», «*зоотэхник в истэрике*») дает возможность автору выразить экспрессивно-оценочную семантику с помощью структурно-семантических средств, традиционных для русской антропонимии. Вместе с тем эти именования, в отличие от общих номинаций, не вполне адекватно могут быть переведены с русского на немецкий язык в силу типологических различий в системе внутрисловных и аналитических средств экспликации оценки. Переводчики предпочитают употреблять одну из номинаций, внутренняя форма которой дает отчетливую отсылку к его варианту имени (*Нюшка, Аннушка, Анютка – Anka*), вслед за автором именуя разных персонажей разными модификатами личных имен (мать *Катерина*, дочь *Катюшка – Katerina*, *Katjuschka*).

Прозвища отличаются в крестьянской традиции необыкновенной точностью и в тоже время беззлобностью, редко могут быть соотнесены с ругательствами, обидными словами. Пример тому «Путанка», включающее в себя указание на и легкое осуждение неразборчивости связей, но не соотносимое с клеймом позора, обвинением в нарушении традиций крестьянской общины. Найти в языке перевода эквивалент такому сложному, многослойному в смысловой нагрузке слову фактически невозможно, поэтому переводчик выбирает вариант, максимально приближенный по смыслу к роли персонажа в контексте произведения и понятный носителю немецкого языка – *Schlunze*: *в загороде у бойкой бабенки Дашки Путанки*. [2, с. 43] – … *im Garten von Dascha, der Schlunze, einer lauten, lockeren Person* [7, с. 70].

2. Характеристика женских персонажей повести не только территориально специфична, но и отражает представления о женской красоте на основе традиции крестьянского быта с ярко выраженным утилитарным компонентом. Описание деталей внешнего облика женщины ориентировано на ее роль и функции в крестьянской деревенской жизни: здоровье («*Катерина была толстая, мягкая*» [2, с. 20] – *Und Katerina? Wie mollig und weich sie war!* [7, с. 31); «*девки ядреные*» [2, с. 9] – "*Die Mädels sind schon ganz in Ordnung*" [7, с. 14]), сила и работоспособность («*Красивая, крепконогая Надежка сверкнула на них яблоками своих глазищ, убежала в коровник* [2, с. 82] – *Die hübsche Nadezhda mit den drallen Beinen blitzte sie mit funkenden Augen an und verschwand im Kuhstall* [7, с. 133], «*Вот уж и девка, и красивая и работница. А ноги возьми, что вырублены*» [2, с. 10] – "*Ein Mordsmädel. Hübsch und mächtig tüchtig bei der Arbeit. Nimm nur die Beine – wie mit der Axt gehauen*" [7, с. 16]), материнство («*Грудина, а ноги-то, девка что баржа*» [2, с. 11] – "*Und die Brüste, die Beine, ein Weib wie ein Lastkahn!* [7, с. 16]). Эти характеристики женской красоты отчасти архаичны для современного читателя, нередко передаются диалектными словами, сравнениями на основе опыта крестьянского быта, которые звучат просто и грубовато, одновременно создают особую поэзию описания. Именно эту поэтичность стремится передать переводчик, выбирая такие лексемы разговорного употребления (*mollig* – weich, warm, behaglich, (umg.) rund, dick [6, с. 885] округлый, толстый; *drall* – stämmig, rund und fest, stramm, pausbäckig (Person, besonders Mädchen oder Kind) [6, с. 363] используется чаще в сельской местности для характеристики женщины с крутыми округлыми формами; *Mordsmädel* – Mords… (umg.) groß, stark, sehr, gewaltig, Riesen… [6, с. 889] большой, сильный, очень мощный) и изменяя структуру предложения оригинала на эмоционально-окрашенные восклицательные предложения (*Wie mollig und weich sie war*!), дополняя семантическое содержание прилагательными-характеристиками (*funkende Augen* – искрящиеся глаза).

В той мере, насколько восторженно-поэтично описываются согласующиеся с крестьянскими канонами женской красоты детали, настолько иронично изображаются элементы противоречащие, отклоняющиеся от идеала: «*Добра девка, только ноги дома оставила. Нету, значит, ног-то почти. Как па-*

лочки» [2, с. 11] – *Das Mädel ginge an, aber die hat ihre Beine zu Hause gelassen. Von Beinen, sagte er, fast nichts vorhanden. Nur so Stöckerchen* [7, с. 16]; «*Эта Верка и под гору с батогом ходит*» [2, с. 17] – "*Diese Vera humpelt sogar bergab mit'nem Stock*" [7, с. 26]. Конкретность сравнений и метафор, разговорный тон позволяют адекватно передать значение отдельных лексем и смысл всего высказывания в языке перевода. Кроме того, переводчик использует возможности немецкого языка для большей конкретизации и усиления значения, используя, например, глагол *humpeln* – хромать, вместо нейтрального *gehen* – ходить.

3. Характеристика женских персонажей повести эксплицируется в описании трудовых процессов, в которых женщины выполняли главенствующую роль: «*В три часа ночи она была уже на ногах. С ведрами бегала между ребячьими головенками, носила с колодца воду… Надо уж и на ферму бежать. Катерина, в резиновых сапогах, еще без фуфайки, скорехонько покормила меньшого… Она принесла тридцать ведер холодной воды из речки, разбавила ее горячей, наносила соломы в кормушки и вымыла руки перед дойкой…*» [2, с. 41 – 42] – " *Sie war schon seit drei Uhr früh auf den Beinen. Schlängelte sich mit den Wassereimern zwischen den schlafenden Kindern hindurch… Bald musste Katerina zur Arbeiut auf den Viehhof. In ihren Gummistiefeln, in der losen Bluse stillte sie eilig das Jüngste… Katerina schleppte dreißig Eimer Wasser vom Fluss herauf, mischte es mit dem heißen, shcüttete Stroh in die Krippen und wusch sich die Hände vor dem Melken.*" [7, с. 67 – 68]. Автор неоднократно подчеркивает, что отношение к человеку в крестьянском социуме определялось его способностью и отношением к труду: «*мы не хуже их, в нашем роду все были работники*», «*Эта Надежка-то хорошая девка, она твоих коров обряжала, бригадир попросил – не отказалась. А Тонька с телятами*» [2, с. 68]. – "*Ein braves Mädel, die Nadeshda, hat deine Kühe versorgt. Der Brigadier hat sie darum gebeten, und sie war gleich bereit. Und Tonja die Kälber*" [7, с. 110].

Гордость за трудолюбивого старательного человека часто скрывается, воспринимается как само собой разумеющееся, в то время как критика нерадивого, неумелого отражается в языке в многочисленных лексемах негативной оценки, связанных с компонентом «здоровье» в описании идеала крестьянского идеала красоты: «*косоротая*», «*полоротая*», «*сухорукая*». «*Ой ты, сухорукая», – подумал Куров, поливая ковшом рассаду, – «не тебе бы, сухорукой, ходить по воду; ежели замуж выйдешь, дак одно от тебя мужику разоренье*» [2, с. 48] – "*Ach, du Tolpatsch" brummte Kurow, während er aus der Kelle seine Setzlinge begoß. "So'n Tolpatsch soll gar nicht erst nach Wasser gehen. Wenn dich überhaupt einer zur Frau nimmt, nichts wie Schaden wird der von dir haben*" [7, с. 79]. В переводе используется близкое по значению слово *Tollpatsch* – ungeschickter, unbeholfener Mensch, ungeschicktes Kind [6, с. 1255], которое по своему происхождению было визуально маркированным прозвищем венгерских солдат («широколапые»), а сегодня обозначает вообще неуклюжего, неловкого человека. В зависимости то ситуации слово несет в себе ироничную, положительную окраску, активно используется как самокритика, ограничено обиходно-бытовой сферой употребления, что вполне соотносится с этнокультурным контекстом повести.

4. Неотъемлемой деталью женского образа являются предметы одежды (*фуфайка – die wollene Unterjacke, das Wams, казачок – Plüschjacke, сарафан – Sarafan, Sommerkleid*), головные уборы (*косынка – das schwarze geklöppelte Spitzentuch, бумажный платок – ein Kopftuch aus buntkariertem Kattun*), обувь (*резиновые сапоги – Gummistiefel, сапожки – Schaftstiefelchen, боты – Überschuhe, катаники – Filzstiefel*), украшения (*янтари – Bernsteinkugeln*). Наименование и характеристика предметов одежды в повести В. Белова отражает не только региональную специфику и традицию, что неизбежно передается средствами диалектного языка, но и исторические особенности. Так, например, *сапожки* – невиданно редкая обувь для послевоенной северной деревни, в то время как *казачок* – традиционная верхняя женская одежда и др. При переводе неизбежно теряется существенная часть этнокультурной информации, присущей восприятию слов данной группы читателем – носителем русского языка, знакомым с традиционной крестьянской культурой. В переводе используются лексемы, именующие близкие по виду и форме элементы одежды, часто архаичные, используемые в отдельных регионах Германии с разным семантическим наполнением и оттого размытые в своем значении, можно сказать, «гештальт-слова». В тексте перевода наблюдается вариативность лексем, передающих одно и тоже именование в тексте оригинала. Например, «фуфайка» переводится как:

«*Старуха в фуфайке и в валенках открыла ворота*» [2, с. 11] – *In der sich öffnenden Tür stand eine alte Frau in* ***wollener Unterjacke*** *und Filzstiefeln* [7, с. 18] (***Unterjacke*** – unter dem Oberhemd zu tragende Jacke [6, с. 1308] – надеваемая под рубашку (шерстяная) кофта или жилетка);

«*Нюшка, в навозных сапогах и в пропахшей силосом фуфайке, встала посреди избы…*» [2, с. 13] – *Sie stand mitten in der Stube, in Arbeitsstiefeln und in der nach Gärfutter riechenden Jacke* [7, с. 20] (пропахшая силосом куртка).

«*Гостья развязала шаль, сняла фуфайку*» [2, с. 36] – *Die Stepanowna band den Kopftuch auf und legte das warme Wams ab* [7, с. 59] (**das Wams** – unter der Rüstung getragener Männerrock, eng anliegende Jacke [9, с. 1373]) – надеваемая под доспехи курточка, жилетка. По происхождению слово связано с «хлопок» (Baumwolle). В представлении немецкого читателя это – облегающая жилетка из прочного материала (пиджак без рукавов). В XVI – XVII вв. теплая жилетка являлась традиционным компонентом одежды, элементом моды, что обусловливало активное использование лексемы).

Все перечисленные варианты имеют общий компонент значения – предмет верхней одежды в виде куртки, сохраняющей тепло. Однако дополнительные аспекты значения (материал, возможная форма)

значительно отличаются от традиционного русского варианта.

5. Отдельную группу сложных для перевода элементов текста, релевантных для описания диалектной языковой картины мира, представляют фразеологические единицы, тематически связанные с жизнью и, прежде всего, поведением, женщины. Как отмечает В. Белов, «… *до свадьбы свобода и легкость новых знакомств, увлечений, «любовей» отнюдь не означали сексуальной свободы и легкомысленности поведения. Можно ходить гулять, знакомиться, но… Девичья честь прежде всего. Существовали вполне четкие границы*» [1, с. 170]. На основе этого в русском языке функционирует значительное количество эвфемизмов, указывающих на возможное отклонение от норм поведения женщины, например, «*трясти подолом*», «*бойкая бабенка*». Крестьянская речь являлась на определенном этапе развития обоих языков важной движущей силой, поэтому язык перевода располагает необходимым потенциалом, набором фразеологизмов для передачи значения фрагментов текста языка оригинала. Например, «*Ой Путанка лешева, не зря трясла подолом в поскотине…* [2, с. 43] – *Nicht umsonst hatte dieses Weibsstück, das verdammte, mit dem Rock gewedelt…* [7, с. 71]. Фразеологизм «трясти подолом» имеет в немецком языке полный по структуре и значению эквивалент, в то время как эмоционально окрашенная характеристика «*Путанка лешева*» переводится с помощью передающих смысл и тон лексем и усиливается за счет порядка слов, включающих характеристики в повтор.

Исключительно на ситуацию ориентируется переводчик при выборе лексемы в языке перевода, когда необходимо передать смысл при минимальной семантической нагрузке слов оригинала. Например, «*ты, дескать, и такая, ты и сякая, ехала бы туда, откуда приехала…*» [2, с. 87] – "*Weibsstück, verdorbenes, hau ab, wo du herkommst…*" [7, с. 141]. Определение «*такая-сякая*» в русском языке передает негативную оценку, маркирует ситуацию, когда у говорящего не находится слов для обозначения негативных характеристик контрагента. Поэтому в тексте перевода использована лексема *Weibsstück*, которая соответствует общему тону обращения: «*испорченная, вали туда, откуда пришла*».

Проблемы перевода текстов региональной прозы, маркирующих элементы и отношений диалектной языковой картины мира, могут быть частично решены при обращении к специальной литературе, посвященной реконструкции диалектной языковой картины мира жителей соответствующих регионов России. В Вологодском государственном педагогическом университете накоплен богатый опыт в области филологического и историко-этнографического краеведения, в частности, опубликован ряд диалектных толковых словарей и словарей языка писателей-вологжан [4], [6]. Эти лексикографические источники могут оказать помощь переводчику максимально адекватно представить фрагменты диалектной языковой картины мира средствами другого языка.

Литература

1. *Белов, В.И.* Лад: очерки о народной эстетике / В.И. Белов. – М., 1982.

2. *Белов, В.И.* Привычное дело / В.И. Белов. – Архангельск, 1974.

3. *Демидова, К.И.* Диалектная языковая картина мира и аспекты ее изучения / К.И. Демидова. – Екатеринбург, 2007.

4. Словарь вологодских говоров. Вып. 1 – 12. – Вологда, 1983 – 2008.

5. *Яковлева, Е.С.* Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия) / Е.С. Яковлева. – М., 1994.

6. *Яцкевич, Л.Г.* Народное слово в произведениях В.И. Белова: словарь / Л.Г. Яцкевич. – Вологда, 2004.

7. *Below, W.* Sind wir ja gewohnt / W. Below. – Berlin: Verlag Volk und Welt, 1978 übersetzt von Hilde Angarowa, 1978.

8. *Strittmatter, E.* Nachsatz zu W. Below. Sind wir ja gewohnt / E. Strittmatter. – Berlin und Weimar Aufbau Verlag, 1978. – S. 249 – 251.

9. *Wahrig, G.* Deutsches Wörterbuch. – Bertelsmann Lexikon Verlag / G. Wahrig. – Gütersloh, München, 2001.

УДК 82.09

Н.В. Кожуховская

ПРОЗА В.М. ГАРШИНА КАК ДЕПРЕССИВНЫЙ ДИСКУРС

Автор статьи исследует механизмы создания и мировоззренческое содержание депрессивного дискурса в прозе В.М. Гаршина. Для уяснения его специфики привлекаются работы по литературоведению, лингвистике и психологии.

Поэтика прозы, авторская позиция, дискурс депрессивный, паттерны лингвистические.

The author of the article studies the mechanisms of creation of depressive discourse and its worldview content in V.M.Garshin's prose. Works on literary studies, linguistics and psychology are used to understand its specific character.

Poetics of prose, author's position, depressive discourse, linguistic patterns.

Все критики и литературоведы, писавшие о Гаршине, отмечали высокую степень внутреннего единства, «гомогенность» его художественного мира. В центре его – «автопсихологический» герой, зеркало сознания автора. Его эмоциональная реакция на угнетающую действительность, по сути, – главный